

Наследник теней

Его затуманенное сном сознание все глубже погружалось в бездну, которая была точкой и вечностью в одну секунду.

Семилетний Том Марволо Риддл не смел издать ни звука. Руки на его плечах были больно сжаты, а смех других мальчиков не давал пощады. Он зажал рот, споткнувшись, и заработал рану на коленке, которая впоследствии останется шрамом. Тома подтянули к себе так быстро, что на мгновение его ноги повисли в воздухе.

Есть уроки, которые нужно усвоить в самом начале жизни. Никто тебя не услышит, никто тебе не поможет. Конечно, было много людей, которые могли бы помочь, могущественных людей, способных избавить его от кошмаров. Жаль, что не было тех, кому это было бы интересно.

Он не издал ни звука, когда старшие мальчики потащили его из общежития, где на рядах кроватей лежали спящие сироты. Если кто-то из них и проснулся, то лучше не подавал виду. Быстро усвоили, что единственный способ выжить - это не высовываться.

Он прошел по пустому коридору и вышел на свежий воздух. Он почти жалел, что Владыка не очнулся от своего ночного пьяного оцепенения. По крайней мере, тогда он знал, что с ним будет.

С этими мальчиками дело обстояло иначе.

С точки зрения сирот они были уже старыми. Им предстояло прожить остаток своего "детства" в этих стенах, а затем быть выброшенными в мир с несколькими фунтами стерлингов.

Конечно, им было горько.

И они позаботились о том, чтобы все об этом знали.

Том не дал им возможности выплакаться. Он не стал умолять их. Он не просил о пощаде.

Они могли унижить его, могли причинить ему боль, но они не могли лишить его гордости.

Он узнал место, куда его привели, - оно находилось за приютом. Лето уже убило всякую зелень, которая осмеливалась расти на такой унылой земле. Повсюду валялись сломанные игрушки, свидетельствующие о многолетнем использовании и неправильной эксплуатации.

Один из старших мальчиков прошел вперед, и Том побледнел, открыв ржавые двери, через

которые можно было попасть в редко используемый подвал.

Из его глаз потекли беззвучные слезы.

Только не темнота. Только не темнота. Помогите мне. Только не темнота. Пожалуйста, только не темнота!

Только тогда он начал бороться всерьез. Его хромоножка дико затрещала, резко ударив локтем одного из его подручных. Это его не спасло.

Через несколько ударов его тело было сброшено в подвал. Спотыкаясь, Том спрыгнул с лестницы на землю и увидел, что двери подвала захлопнулись, раздался тяжелый скрежет металла о металл, означавший, что он заперт внутри.

Сквозь щель проникал бледный лунный свет, и Том обхватил себя руками, с тревогой вглядываясь в окружающую его темноту.

Пройдет два дня, прежде чем его объявят пропавшим, и три, прежде чем его найдут.

В башне Гриффиндора Гарри беспокойно ворочался во сне. Он ворочался, пытаясь избавиться от неприятного видения, привидевшегося ему во сне.

В Риддл-мэноре Волдеморт хмурился от неудобства. Его покой нарушали воспоминания, которые он каждый день пытался похоронить заново.

Шестилетний Гарри Джеймс Поттер замер. Изумрудные глаза смотрели широко и настороженно. Это были глаза существа, попавшего в ловушку и ожидающего следующего удара.

Маленькие руки замерли на его боку, дыхание замедлилось. Всё было предопределено, кроме красного лица дяди перед ним и мускулистой руки, обхватившей его шею.

Рука была крепкой, но не сковывающей. Страшно, но не вредно. Как это всегда было и, надеюсь, всегда будет. Дядя не смел причинять ему постоянный вред, опасаясь разоблачения, и за это Гарри был ему благодарен.

Даже когда он до безумия боялся, что дядиной милости придет конец.

Тело Гарри отвечало на прикосновения дяди. Он не сопротивлялся и не плакал. Гарри знал, как вести себя с дядей. Дядя не знал пощады, если "урод" сопротивлялся всему, что, по мнению Вернона, ему полагалось.

Его тело упало на пол, когда его затолкали в шкаф. Его спина ударилась о стенку койки. Яркие изумрудные глаза смотрели, как закрывается дверца, а через секунду задвигался маленький засов, запирая Гарри в его тёмном углу.

Его тело скрючилось на полу, а глаза оказались на уровне маленького огонька, пробивавшегося под дверцей шкафа.

Он не мог их видеть, но мог слышать. Вернон и Петунья хвалили своего маленького Даддума, обещая чудесные подарки, которые обязательно принесёт Санта.

А в темноте по грязным щекам текли слезы. Его лицо было прижато к полу, тонкие пальцы подрагивали под дверью, словно пытаясь дотянуться до несбыточной мечты. Неужели так трудно любить его, часто думал он в эти минуты. Он не просил многого, ему было все равно, что завтра не будет подарков. Лишь бы они позволили ему посидеть в тепле, лишь бы он услышал их голоса, свободные от неприязни.

Не надо меня ненавидеть. Не надо меня ненавидеть. Пожалуйста, не надо меня ненавидеть.

В его темном углу продолжали капать слезы, горло сжималось от подавляемой боли. Изумрудные глаза ярко светились во мраке, выкрикивая всю ту боль и ярость, которую никогда не смог бы произнести его рот.

В канун Рождества они забыли о нем, как и завтра, когда разделили с ним праздник. И только через два дня, когда нужно было готовить завтрак, они вспомнили о своем непутевом подопечном.

Воспоминания и мечты разрывали злополучную связь, возникшую шестнадцать лет назад. Барьеры и щиты, созданные обеими сторонами, были разорваны, и двое мужчин проснулись одновременно, широко раскрыв глаза в поисках давно ушедших мучителей.

Рубиновые глаза Волдеморта впились в его сознание.

"Ты начинаешь понимать, что то, чего ты желал, неправда".

Изумрудные глаза смотрели в ответ с вызовом.

"Что это?"

"В ту ночь я проклял тебя только для того, чтобы ты был сломлен. Я отметил тебя не только магическими узами и глупым шрамом. Я сделал тебя своим Наследником".

"То, что ты передал мне часть своих способностей, не повод называть меня так. Есть более

верные способы пометить человека".

Гарри почувствовал, как Волдеморт забавляется.

"Ты не имеешь права лгать самому себе, мой наследник. Когда я лишил жизни твоих родителей, я дал тебе свою. Я дал тебе детство, которое сделало меня, я отметил тебя в магическом мире, привлекая к тебе внимание так же, как пятьдесят лет назад Дамблдор был привлечён ко мне".

Голос Волан-де-Морта приобрел оттенок воспоминаний, слегка отстранённый.

"Он знал о том, что течёт в моих жилах, ещё до моего рождения. Именно он организовал встречу моей матери с моим отцом-маглом. Он по глупости думал, что маггловская кровь разбавит силу Слизерина. Кровь Слизерина не может быть разбавлена подобным образом, даже вы, вольно или невольно носящие это имя через магические узы, несете в себе дары Слизерина. Каждый раз, когда мы встречаемся, я отмечаю тебя как своего, и ты подтверждаешь те самые черты, которые Слизерин ценит превыше всего. На первом курсе ты не поклонился хозяину. На втором ты ходил со змеями и говорил на их языке. На четвертом курсе мы связались еще крепче, когда я взял твою кровь. На пятом году ты сбросил мантию покорности, которую на тебя накинуд святой вождь Света. Твои амбиции столь же сильны, как и мои, хотя твои, я полагаю, благороднее моих".

"Что за амбиции?" - настороженно спросил он.

"Ваше желание остаться в живых оказалось сильнее, чем у всех, кого я встречал раньше".

Гарри позволил молчанию окутать себя созерцанием.

"Когда я был моложе, все было проще. Мне приходилось беспокоиться только о полумертвом Темном Лорде. Тогда я знал своего врага".

"А кто твой враг сейчас?" - спросил Волдеморт с неподдельным любопытством.

"Иногда мне приходится задумываться, кто не враг".

<http://tl.rulate.ru/book/98115/3332064>